

ЛѢТНИЦА И ИСКУССТВО

А. П. Чеховъ. (1902 г.)
(Къ 10-лѣтію со дня кончины—2 іюля).

XVIII годъ изданія. 1914
№ 26

А. П. Чеховъ съ супругой (О. Л. Книпперъ)—1901 г.

Изъ воспоминаній о Чеховѣ.

I.

В. Г. Короленко: «...Передъ мною былъ молодой и еще болѣе молодой на видъ человѣкъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговатымъ и чистымъ лицомъ, не утраченнымъ еще характернымъ юношескимъ очертаніемъ. Въ этомъ лицѣ было что то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу, и что впоследствии, по-моему—очень мѣтко, опредѣлила одна женщина, при мнѣ познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію, въ лицѣ Чехова, несмотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти дѣтской непосредственностью. Простота всѣхъ движеній, пріемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще, въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка глубоко жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которымъ были переполнены его рассказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развернуться и развернуться въ хорошую сторону. Общее впечатлѣніе было цѣльное и обаятельное, несмотря на то, что я сочувствовалъ далеко не всему, что было написано Чеховымъ. Но даже и его тогдашняя «свобода отъ партій», казалось мнѣ, имѣть свою хорошую сторону. Среди его рассказовъ былъ одинъ (кажется, озаглавленный «Встрѣча»): гдѣ-то на почтовой станціи встрѣчаются неудовлетворенная молодая женщина и скитающаяся по свѣту тоже неудовлетворенный, сильно избитый жизнью, русскій «искатель» лучшаго. Типъ былъ только намѣченъ, но онъ изумительно напомнилъ мнѣ одного изъ значительныхъ людей, съ которымъ сталкивала меня судьба. И я былъ пораженъ, какъ этотъ беззаботный молодой писатель сумѣлъ мимоходомъ, безъ опыта, какой-то отгадкой непосредственнаго таланта, такъ вѣрно и такъ мѣтко затронуть самую интимную струну этого, все еще неумершаго у насъ, долговѣчнаго рудинскаго типа. И мнѣ Чеховъ казался молодымъ дубкомъ, пускающимъ ростки въ разныя стороны, еще коряво и порой какъ-то безформенно, но въ которомъ уже угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста...

Знаете, какъ я пишу свои маленькіе рассказы?... Вотъ. Онъ оглянулъ столъ, взявъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь,—это оказалась пепельница,—поставилъ ее передо мною и сказалъ:

— Хотите,—завтра будетъ рассказъ, заглавіе: «Пепельница».

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не прошедше

своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ...

Теперь, когда я вспоминаю этотъ разговоръ, небольшую гостиную, гдѣ за столомъ сидѣла старуха-мать, сочувственныя улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной дружной семьи, въ центрѣ которой стоялъ этотъ молодой человѣкъ, обаятельный, талантливый, съ такимъ, повидимому, веселымъ изглядіемъ на жизнь,—мнѣ кажется, что это была самая счастливая, послѣдняя счастливая полоса въ жизни всей семьи,—радостная идиллія у порога готовая начаться драмой... Въ выраженіи лица и въ манерахъ тогдашняго Чехова мнѣ вспоминается какая-то двойственность: частью это былъ еще беззаботный Антоша Чехонте, веселый, удачливый, готовый посмѣяться, между прочимъ, надъ «умнымъ дворникомъ», рекомендуемымъ въ лучшихъ читальни, и надъ парикмахеромъ, который во время стрижки узнаетъ, что его невѣста выходитъ за другого и потому оставляетъ голову клиента недостриженной... Образы гнѣсливы къ нему веселой и легкой гурибой, забавляя, но рѣдко волнуя... Кажется, въ то время была уже напечатана (въ «Нов. Времени») «Свѣтлою ночью», чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже какъ небо отъ земли удаленной отъ безпредметно смѣшлаго настроенія большинства «Пестрыхъ рассказовъ». И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника «Осколковъ», проступало какое-то особенное выраженіе, которое историко называли бы «первыми отблесками слезъ»...

Черезъ нѣкоторое время первый журнальный рассказъ А. П. Чехова былъ написанъ. Назывался онъ «Степью». Младшій Чеховъ (Михаилъ Павловичъ) горючилъ мнѣ, вскорѣ послѣ того, какъ рассказъ появился въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», что въ немъ очень много автобиографическихъ личныя воспоминаній...

Есть въ немъ, между прочимъ, одна подробность, которая казалась мнѣ очень характерной для тогдашняго Чехова. Въ рассказѣ фигурируетъ Дениска, молодой крестьянскій парень. Выступать онъ въ роли кучера, но дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ темпераментѣ. Бирючка съ пугниками останавливается въ степи на привалѣ, въ знойный полдень. Горячіе лучи жгутъ голову, откуда-то несется пѣсня, «тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачь и едва уловимая слухомъ... Точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ», или сама она, «выжженная, полумертвая, уже погибшая, безъ слезъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну... вини не было, но она все-таки просила у кого-то прощенья и клаясь, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя... Въ это время Дениска просыпается первыми изъ отдыхающихъ пугниковъ. Онъ подходитъ къ ручью, мыть, аппетитно умывается, плескается и фыркая. Несмотря на

А. П. Чеховъ.

А. П. Чеховъ въ Ялтѣ, у себя на дачѣ (май 1904 г.)

А. П. Чеховъ (1897 г.)

зной, на тоскливый пейзажъ, на еще болѣе тоскливую пѣсню, неизвѣстно откуда несущуюся и говорящую о неизвѣстной вѣнѣ, Дениска переполненъ ощущеніемъ бодрости и силы.

— А ну, кто скорѣе доскачетъ до осокоті—говоритъ онъ. Егорушкѣ, главному герою разсказа, и не только одерживаетъ побѣду надъ усталымъ отъ зноя Егорушкой, но не довольствуясь этимъ, предлагаетъ также скакать обратно.

Я какъ-то шутилъ сказалъ Чехову, что онъ самъ похожъ на своего Дениску. И дѣйствительно, въ самый разгаръ 80-хъ годовъ, когда общественная жизнь такъ похожа была на эту степь съ ея безмолвной истомой и тоскливой пѣснью, онъ явился беззаботный, веселый, съ избыткомъ бодрости и силы.

Послѣ этихъ первыхъ встрѣчъ, довольно частыхъ вначалѣ нашего знакомства, мы видѣлись съ Чеховымъ все рѣже и рѣже. Наши литературныя связи и симпатіи (я говорю о личныхъ связяхъ и симпатіяхъ въ литера-

турной средѣ) въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ были различны, и выходило такъ, что онѣ перекрещивались рѣдко также и впоследствии, когда онъ сошелся съ родственными и мнѣ литературными кругами. Я тогда же (т.-е. въ концѣ 80-хъ годовъ) сдѣлалъ было попытку свести Чехова съ Михайловскимъ и Успенскимъ. Мы вмѣстѣ отправились съ нимъ въ назначенный часъ въ Палероэль, гдѣ тогда жилъ Михайловскій и гдѣ мы уже застали Глѣба Ивановича Успенскаго и Александру Аркадьевну Давыдову (впоследствии издательницу журнала «Миръ Божій»). Но изъ этого какъ-то ничего не вышло: Глѣбъ Ивановичъ сдержанно молчалъ (тогда у него начинали уже появляться признаки сильной душевной усталости и, пожалуй, предвѣстники болѣзни). Михайловскій одинъ поддерживалъ разговоръ, и даже Александра Аркадьевна,—человѣкъ вообще необыкновенно деликатный и тактичный,—задѣла тогда Чехова какимъ-то рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ тогдашнихъ его литературныхъ друзей. Когда Чеховъ ушелъ, я почувствовалъ

А. П. Чеховъ въ своемъ имѣніи «Мелихово» (1895 г.)

А. П. Чеховъ и Л. Н. Толстой.

А. П. Чеховъ и М. Горькій (1899 г.)

что попытка не удалась. Глѣбъ Ивановичъ, съ которымъ мы вмѣстѣ вышли отъ Михайловскаго, замѣтили съ своей обычной чуткостью, что я огорченъ, и сказали:

— Вы очень любите Чехова?

Я попытался изобразить то чувство, которое у меня было къ Чехову, и то впечатлѣніе, какое онъ на меня производилъ. Онъ слушалъ съ обычнымъ своимъ задумчивымъ вниманіемъ и сказалъ:

— Это хорошо...—но самъ остался сдержаннымъ. Теперь я понимаю, что веселость тогдашняго Чехова, Чехова «Пестрыхъ рассказовъ»—была чужда и неприятна Успенскому. Самъ онъ когда-то былъ полонъ глубокаго и своеобразнаго юмора, острота котораго очень рано перешла въ горечь. Михайловскій чрезвычайно вѣрно и чрезвычайно мѣтко обрисовалъ въ статьѣ объ Успенскомъ ту цѣломудренную сдержанность, съ какой онъ сознательно обуздывалъ свою склонность къ смѣшнымъ положеніямъ и юмористическимъ образамъ изъ боязни профанировать скорбные мотивы злополучной русской дѣйствительности. Хорошо это или плохо.—я здѣсь разсуждать не буду. Думаю, конечно, что было бы превосходно, если бы люди съ такими природными залежами смѣха въ душѣ находили въ себѣ и въ окружающей атмосферѣ достаточно силы, чтобы побѣдить великое уныніе русской жизни своимъ еще болѣе сильнымъ смѣхомъ. Тогда мы имѣли бы, можетъ быть, мировые шедевры сатирической литературы. Но... мечтать можно о чемъ угодно, а фактъ все-таки состоитъ въ томъ, что современное русское уныніе само побѣждаетъ русский юморъ, и это съ неизбежностью рокового закона отразилось,—къ сожалѣнію, даже] слишкомъ скоро—на самомъ Чеховѣ. Но въ то время еще было иначе, и я помню, съ какими скорбными недоумѣніемъ и какъ пылливо глубокіе глаза Успенскаго останавливались на открытомъ, жизнерадостномъ лицѣ этого талантливаго вы-

Домъ (въ Таганрогѣ), въ которомъ родился А. П. Чеховъ.

ходца изъ какого-то другого міра гдѣ еще могутъ смѣяться такъ беззаботно и весело... Чеховъ тоже инстинктивно сторонился отъ назрѣвшаго уже въ Успенскомъ настроенія, которое сторожило его самого, и—они разошлись холодно, пожалуй, съ безотчетнымъ нерасположеніемъ другъ къ другу.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его два года назадъ въ Ялтѣ, куда я прѣхалъ для разговора объ одномъ общемъ заявленіи. Чеховъ написалъ мнѣ, что хочетъ заѣхать въ Полтаву, и я предупредилъ его, зная, какъ ему это трудно. Онъ жилъ на своей дачѣ, которую построилъ (по художнически непрактично) подъ Ялтой; съ нимъ жили сестра и жена. Какъ и въ первую нашу встрѣчу сестра Чехова встрѣтила меня внизу, какъ и тогда Чеховъ спустился по лѣстницѣ сверху. У меня сжалось сердце при этомъ воспоминаніи. Это былъ тотъ же Чеховъ, но куда дѣвалась его увѣренная, спокойная жизнерадостность? Черты обострились, стали какъ будто жестче, и только глаза все еще порой лучились и ласкали. Но и въ нихъ чаще виднѣлось застывшее выраженіе грусти. Сестра рассказывала, что по временамъ онъ сидитъ цѣлые часы, глядя въ одну точку... Во время разговора онъ взялъ лежавшую на столѣ книгу, недавно рекомендованную русскому читателю Л. Н. Толстымъ.

— Поленца, «Крестьянинъ». Читали? Хорошая книга.—сказалъ онъ.—Вотъ если бы мнѣ еще написать одну такую книгу... я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть.

— Онъ умеръ раньше...